

**Внешние и внутренние факторы нигилизма:
междисциплинарный подход**

Александр Шамильевич Гусейнов

Краснодарский государственный университет физической культуры, сервиса и туризма,
Российская Федерация
350015, г. Краснодар, ул. Буденного, 161
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: AGuseinov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние и внешние факторы нигилизма с позиций междисциплинарного подхода, для синтезирования и систематизации разрозненных представлений используется субъектно-бытийная интерпретация. На основе авторской модели протестной активности личности раскрываются механизмы нигилизма; предложены способы его предупреждения.

Ключевые слова: нигилизм; модель протестной активности; самоактуализация; аномия; искажение сознания; ложная субъектность.

Введение. Для современного социума характерна актуализация разнообразных проявлений протеста. Исследователи указывают на опасную тенденцию рост в России радикальных молодежных группировок, следующих идеологии национальной, расовой и межрелигиозной нетерпимости, а также рост циничных преступлений, совершенных экстремистами [15]. Сегодня лидеры экстремистских организаций формируют протестность своих последователей не только на нигилистических ценностях, но и на мощной религиозной основе, трансформируя их религиозное сознание. Глава Дагестана Р. Абдулатипов в интервью отметил, что воспроизводство в течение длительного времени невежества и зла, вместо воспроизводства культуры и добра, привело к тому, что многие молодые люди уходят в сферу лжи, зла, ненависти и безобразия.

Материалы и методы. Поскольку такой аспект протеста как нигилизм в психологии не изучался, целесообразно его рассмотрение с разных теоретических позиций. Кроме традиционных подходов (философского, гуманистического, экзистенциального, психоаналитического), мы исследовали художественные произведения. К.А. Абульханова, Г.Ю. Фоменко, В.В. Шиповская, В.С. Мухина, В.А. Ганзен считают этот метод теоретического изучения перспективным, в некоторых случаях он может стать главным источником понимания новых феноменов [18, 24].

Обсуждение. Термин «нигилизм» (от лат. nihil – ничто) означает отказ от традиционных ценностей, отрицание идеалов, моральных норм, культуры, общепринятых форм общественной жизни [12]. Термин приобрел популярность в философии благодаря пессимистической концепции обесценивания мира А. Шопенгауэра и его идеи о том, что все идет к худшему и пустоте; а также фундаментальному анализу нигилизма Ф. Ницше, выделившем формы нигилизма, связанные с переходными состояниями духа: пессимизм; неполный, крайний, активный и пассивный, активно-предельный и экстатически-классический. Пассивный нигилизм, по Ф. Ницше, как закат и уход мощи духа (нет никакой истины вообще), препятствует истинному бытию. Активный нигилизм, обладая признаками возрастания мощи духа, подвергает перереоценке все христианские ценности и может способствовать выздоровлению, обновлению человечества, став источником пробуждения новой воли к бытию (метафизика воли к власти). Экстатически-классический нигилизм – его высшая форма, не признающая ничего над собой, представляющая «божественный образ мысли» [цит. по: (22)]. В концепции О. Шпенглера нигилизм связывается с упадком западной науки и культуры, ее трансформацией в безличную и механистичную цивилизацию, отрицающую сакральность и религию [26]. М. Хайдеггер считает, что термин «нигилизм» не столько говорит о том, что все сущее – ничто [22, с. 74]. Нигилизм еще и «указывает на историческое движение, приходящее задолго до нас и размахнувшееся далеко за пределы нашего времени» [22, с. 95]. А. Камю, считавший, что история нигилизма начинается

со слов Ивана Карамазова «все позволено, раз нет Бога», анализирует нигилизм в свете проблематики метафизического бунта. Нигилизм, – утверждает Камю, – включает в себя не только отчаяние и отрицание, но и волю к ним [9]. По И.А. Ильину, сама воля может быть зла, и тогда она оказывается противодуховной, становится беспочвенной и разрушительной, превращаясь в механизм злобной одержимости [8, с. 28]. И.А. Ильин заключает, что в этом случае искажается совестный акт. К. Ясперс раскрывает протестную специфику диспозиции нигилистов: «Там, где он обретает превосходство ... он переходит в наступление против всего, что есть бытие. Маскируясь возмущением, он направляет свою ненависть на благородство человека» [27, с. 392]. Искажённое сознание «запускает» механизм развития безжалостной отрицающей стратегии жизни. Неспособность к подлинному существованию, творческому труд разрушает личность, заполняя жизнь отрицанием [там же]. С. Франк отмечает противоречивость нигилизма («принципиальная беспринципность») – сочетание отрицания различий между добром и злом с соблюдением условностей, а также его иррациональный *энергетический потенциал* [19]. Не случайно Ж. Бодрийяр позже напишет: «это самоубийственная энергия, поглотившая большинство начинаний, энергия, направленная не столько на созидание, сколько на разрушение» [цит. по: 1, с. 35].

В русской литературе прослеживается динамика развития нигилизма – от отрицательного отношения к обществу, к принятым обычаям и идеологии, до экстремизма и терроризма. Если нигилист Е. Базаров ограничивается декларированием идей отрицания, часто абсурдных – «Рафаэль гроша медного не стоит», «Сперва нужно место расчистить» и т.д. [17], то в романе «Бесы» нигилистические идеи приобретают общественный масштаб, вызывая хаос и террор. В «Бесах» показаны методы нигилистов – систематическое потрясение общественных основ и регулярное моральное разложение общества, внедрение в общественное сознание неверия, цинизма, наряду с «жаждой руководящей мысли» [7, с. 601], а также их цель – бунт и захват власти. Российские революционеры, отличаясь фанатизмом и нигилизмом, не задумывались об эффектах переустройства – хаосе, терроре. М. Горький очень опасался того, что социалистический строй в России водится по методу нигилиста Нечаева – «на всех парах через болото» [3, с. 151]. Л.Н. Толстой убежден: «Надо перестать «устраивать жизнь других людей» и понять, что, кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, все равно оно будет злом, без всяких исключений» [цит. по: (8, с. 21)].

В психоаналитической традиции саморазрушительное поведение рассматривается, с одной стороны, в контексте инстинктивного стремления к Танатосу [20]. С другой стороны, показано, что деструктивность является одним из методов психологической защиты Я от опасностей окружающей среды, и поддерживается стремлением к удовольствию и счастью. По З. Фрейду, люди, следующие деструктивности, – параноики, поскольку видят единственного врага в реальности, воспринимаемой как источник страданий. Невозможность сосуществования с реальностью приводит к выбору одного из путей – либо отшельничеству, либо к патологическому желанию переделать мир, уничтожив его самые невыносимые черты. В концепции Э. Фромма разрушительность рассматривается как механизм бегства от свободы, позволяющий индивиду возвыситься за счет разрушения мира. Нигилизм – это еще и проявление внутренней страсти, обнажившейся в результате непржитой жизни и ее подавления [21, с.151-157]. По В. Райху, блокирование энергии, невозможность применить в жизни повышенные способности приводит к бесцельному бунту и охваченности «эмоциональной чумой» [14]. Мощная энергия, свойственная нигилизму, характерная «захваченность протестом» свидетельствует о страсти, которая соответствует низшим примитивным эмоциям. К. Наранхо считает, что *индивид подвержен им в качестве пассивного агента*, которому недостает свойственного свободному агенту опыта отделения от области страстей, являющийся результатом интуиции трансцендентности [11]. М. Чиксентмихайи убежден, что чрезмерная сосредоточенность на себе лишает человека шанса достичь более высокого уровня развития, поскольку вся психическая энергия направлена не на поиск новых, а на достижение поставленных целей [23]. В.В. Шиповская полагает, что использование незрелых защитных механизмов и разрешение внутриличностных противоречий через отрицание, асоциальные действия указывают на индивидуальный уровень преодолевающей активности личности (смягчение внутреннего дискомфорта) и регрессивную тенденцию в становлении личности [25]. Согласно авторской структурно-эволюционной модели личности, склонной к протестной активности [5, с. 93-94], у лидеров нигилистических течений актуализированы все уровни

протестной активности, от примитивного, архаического Прото Я (бессознательные структуры, эмоции, инстинкты) до Транс Я. Однако у нигилистов-лидеров уровень Транс Я (который в идеале направлен на защиту и приумножение гуманистических ценностей), подвергается редукции, деформируясь в сторону отрицания жизни. Вместе с тем, актуализируется Экзо Я – компонент самореализации личности, допускающий использование любых средств (в том числе людей) для экспансии собственного потенциала [6]. Захваченность деструктивной целью искажает вектор самореализации личности, формирует ложную субъектность. У нигилистов-исполнителей актуализированы преимущественно иррациональный уровень Прото Я (не позволяющий ответственно и адекватно оценивать социальную реальность) и Эндо Я (компонент, отвечающий за удовлетворение первичных социальных потребностей, влечения, получение выгоды) [5, 6]. В выраженном протесте, когда единственно важной целью человека становится борьба, ядро личности (Я), Экзо-я (система отношений) и Эндо Я (удовольствия) являются захваченными глубочайшими аффектами, исходящими от Прото Я (религиозный экстаз, агрессия фанатов, слепое повиновение лидеру) и Транс Я (внушенными идеями справедливости, свободы, веры) настолько сильно, что перестают продуктивно «работать» на личность. В случае, когда человек движим одновременно иррациональными силами, составляющими Прото Я, так и сверхценными идеями, исходящими от Транс Я, критическое Я (ядро личности) максимально удалено и устранено от анализа событий, адекватного понимания источников угроз, врагов, друзей. Человек становится фрагментом толпы, группы, секты, идеологии, его личность полностью растворяется в них. Аналогичной позиции придерживается Х.Ортега – и – Гассет. Он считает, что «человек-масса» может быть захвачен любым течением, любой идеологией [13]. Принцип тоталитарности становится источником интолерантности (наш/не наш) и беспощадного истребления всех, кто не согласен с данной идеей или идеологией.

В развитии нигилистического мироощущения, приводящего к терроризму, большую роль играют не только внутренние, но и внешние социальные факторы. Напомним парадоксальный тезис Ж. Бодрийяра относительно того, что терроризм – соратник торжествующей глобализации, борющейся против себя. В его концепции аномальные симптомы идут из глубины социальной системы и противостоят ей, в результате чего, система, теряет свою естественную защиту и создает условия для терроризма [2, с. 93].

Вместе с тем, современный социокультурный контекст содержит в себе признаки социальной аномии: рассогласование ценностно-нормативной основы его функционирования, разрыв в преемственности социальных и культурных норм, изменение сознания в достижении индивидом жизненных целей, его ориентации на короткие жизненные проекты в условиях быстро меняющихся общественных ориентиров [10]. Необходимо отметить, что аномия всегда была предвестником революционных изменений.

Результаты. Междисциплинарный анализ позволяет рассмотреть нигилизм с разных позиций, раздвинуть границы исследования. Использование системы субъектно-бытийного подхода обеспечивает *органичность психологической интерпретации* нигилизма, поскольку снимает эклектику, позволяет синтезировать разрозненные положения и выделить существенные признаки нигилизма: 1) нигилизм представляет собой форму незрелого деструктивного протеста; 2) источником нигилизма является избыток биологической энергии, а также невозможность (социальная аномия) или неспособность (высокий уровень противоречий) реализовать повышенные способности; 3) нигилизм – показатель внутреннего раскола личности, невроза характера; 4) в основе нигилизма лежит чувство собственного бессилия, изоляция индивида и тревога; низкоуровневые защиты приводят к искажению внутренней и внешней реальности; 5) стремление к Танатосу, снижение ценности жизни, беспомощность указывают на страдательную позицию и неспособность к подлинной реализации; 6) *искажения в ценностно-смысловой сфере* - духовности, свободы, совести свидетельствуют о неаутентичности; выбор отрицательных идеалов, идеологии свидетельствует о *диффузной, негативной идентичности и ложной субъектности* [4, с. 274-275] (ср. с конструктом истинной субъектности [18, с. 143]; 7) нигилизм лишен творческого начала, экспансия собственного масштаба на внешние пространства бытия осуществляется через прямое разрушение общественных и социальных структур; 8) генеральная линия жизненных устремлений личности (отказ от экзистенциального самоопределения и ответственности) и способы осуществления

основных смысловых линий не соотносятся с социальными и нравственными плоскостями общечеловеческого бытия.

Заключение. В свете обсуждаемой проблемы представляется важным предупреждение нигилистических идей и контроль их движения в молодежной среде. В санации нигилистической болезни» ключевую роль может сыграть жесткая цензура, препятствующая распространению нигилизма во внешних бытийных пространствах, прежде всего информационных. Обращение к образцам культуры, героическому прошлому отечества, а также единая национальная идея повысят шансы в этой борьбе.

Примечания

1. Бензер М. Метафизика в ловушке: философские аспекты вызова, брошенного Бодрийяром гиперсовременности // ХОРА. 2009. № 2 (8). С. 35-57.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
3. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
4. Гусейнов А.Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского): Сб. материалов VI Всероссийской науч.-практ. конф. (с иностранным участием) под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 273-275.
5. Гусейнов А.Ш. Негативный потенциал протеста: психологический анализ // Армия и общество. №1. 2013. С. 169-175.
6. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82-96.
7. Достоевский Ф.М. Бесы. Ставрополь: РИО Красный Крест, 1993. 640 с.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431с.
9. Камю А. Бунтующий человек / Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
10. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования № 3. 2009. С.57-67.
11. Наранхо К. Энеа-типологические структуры личности: Самоанализ для ищущего. Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. 224 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
13. Ортега – и – Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
14. Райх В. Анализ характера. М: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с.
15. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / научная монография под ред. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296 с.
16. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
17. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. М.: Художественная литература. 1954. 413 с.
18. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 342 с.
19. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции). Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909—1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 175-201.
20. Фрейд З. Психоаналитические этюды. М.: ООО «Попурри», 1996. 606 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
22. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
23. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Издательство «Альпина Нон-фикшн», 2013. 464 с.
24. Шиповская В. В. Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009. 245 с.
25. Шиповская В.В. Уровневая модель преодолевающей активности //«Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского): Сборник материалов VI Всероссийской науч.-практ. конф. (с иностранным участием) под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 303-305.
26. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
27. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

UDC 159.923.2.

External and Internal Factors of Nihilism: the Interdisciplinary Approach

Alexander Sh. Guseinov

Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Russia
Budennogo street, 161 Krasnodar, 350015
PhD (psychology), Assistant Professor
E-mail: AGuseinov @ yandex mail.ru

Abstract. The article examines the internal and external factors of nihilism from the interdisciplinary approach perspective. For the synthesis and systematisation of disjointed perceptions, the author applies subject-existential interpretation. On the basis of the author's model of protest activity of the personality, nihilism mechanisms are revealed in the article. Ways of its prevention are also proposed.

Keywords: nihilism; model of protest activity; self-actualisation; anomie; distortion of consciousness; false subjectivity.